

Секция «11.1 Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Образ царицы Клеопатры в литературе и искусстве

Научный руководитель – Корнилова Елена Николаевна

Чадаева Варвара Сергеевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет государственного управления, Кафедра политического анализа, Москва, Россия

E-mail: 7003067@gmail.com

В ходе исследования нами было рассмотрено 6 произведений за период с I века до нашей эры по XX век нашей эры, в которых прослеживается образ Клеопатры VII Филопатор — последней царицы эллинистического Египта, представляющей династию Птолемеев.

Первые развернутые литературные свидетельства о Клеопатре относятся к эпохе принципата Октавиана Августа и принадлежат таким римским поэтам как Квинт Гораций Флакк, Публий Вергилий Марон и Секст Проперций. Поэт Квинт Гораций Флакк в 30 г. до н.э. называет Клеопатру *monstrum fatale*, обвиняя ее в пьянстве и представляя её как опасную угрозу своему Отечеству — Риму. Безумная царица возжелала разрушить Капитолий: «Пока царица Капитолий//Мнила в безумье своем разрушить, //Грозя с толпой уродливых евнухов//Державе нашей смертью позорною». Интересно, что в своей оде Гораций с завидной смелостью искажает историческую действительность: корабли Клеопатры смогли покинуть место сражения в относительной сохранности, когда как поэт заявляет лишь об одном уцелевшем корабле, а император Октавиан не преследовал царицу после битвы. Примечательно, что по мнению исследователя С. Коммагера «Гораций представляет сражение у мыса Акции не как противостояние между Октавианом и Антонием, а как противостояние между Западом и Востоком, где Октавиан и Рим воплощают Запад, а Антоний и Клеопатра — эллинистический мир». Соответственно, преувеличение угрозы, исходившей от Клеопатры и Египта по отношению к Октавиану и Риму равно преувеличивает заслуги и победы Августа. Вместе с тем, смелость, стойкость и твердое решение Клеопатры не склонить побежденной головы перед Капитолием, а выбрать смерть, заставляют римского поэта восхититься и отдать дань уважения царице: «Она решила твердо на смерть идти / Из страха, что царицей развенчанной / Ее позорно для триумфа / Гордого вражья умчит либурна».

В тексте «Энеиды» Публия Вергилия Марона (29–19 гг. до н.э.) также можно заметить отголоски пропаганды Октавиана Августа. Клеопатра представляется Вергилием как Новая Исида и изображается с систром — точно так же традиционно в Древнем Египте изображалась богиня Исида. В тексте Вергилия очень явно сквозит та неприязнь к египетским божествам, которая присутствовала в римском обществе в то время.

Поэт Секст Проперций осыпает Клеопатру целым градом обвинений: от позора, который она навлекла на военную мощь Рима, проституции, жестокости, убийства Помпея до пьянства и непристойности (здесь Проперций называется Клеопатру Исидой — непристойной богиней).

Важно отметить, что судя по тональности произведений, римские поэты, по всей видимости, были частью «социального заказа» императора Октавиана. Именно ими в угоду императора Октавиана, которому требовалось оправдать свой приход к власти и возложить вину за гражданскую войну в Риме на египетскую царицу, и был создан образ развратной Клеопатры. Основываясь на созданном греческими трагиками мифе о Египте как о стране развратников (вспомнить хотя бы Эсхила, который за 400 лет до этого описывал египтян

как крайне похотливый народ), эти поэты развернули кампанию по очернению образа египетской царицы. При этом интересно, что чем позднее было написано произведение, тем более укоренялся миф о развратности и сладострастности Клеопатры. К примеру, историк IV в. н.э. Секст Аврелий Виктор утверждал, что Клеопатра занималась проституцией, при этом мужчины платили своей жизнью за ночь с царицей: « Она была так развратна, что часто проституировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи». Император Октавиан крайне умело сыграл на национальных чувствах римского народа и сумел переложить свои политические грехи на Клеопатру, представив свою борьбу за власть как неминуемое и очень необходимое столкновение Запада (Рима) с Востоком (Эллинистическим Египтом).

Принципиально иной подход к образу царицы Клеопатры демонстрирует Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях». В биографии Марка Антония он описывает Клеопатру как женщину, обладающую огромным обаянием, необыкновенным умом и редкой хитростью. В отличие от Проперция или Вергилия, Плутарх не очерняет Клеопатру, описывая ее исключительно как коварную оболстительницу. Он восхищается её умом, образованностью и умением владеть собой: «Ибо красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами. . . Говорят, что она изучила и многие языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский.» Плутарх подчеркивает, что Антоний был увлечен царицей в такой степени, что позволил Клеопатре увезти себя в Александрию, и они составили так называемый «Союз неподражаемых», ежедневно задавая пиры, развлекаясь и проматывая баснословные деньги.

В средневековой традиции образ Клеопатры редуцируется до «грешной блудницы». Например, царица упоминается в «Божественной комедии» в пятой песни «Ада», Данте Алигьери помещает её во второй круг, где несут наказание сладострастники: «Вот нежной страсти горестная жрица, / Которой прах Сихея оскорблен; / Вот Клеопатра, грешная блудница».

Художественное переосмысление образа Царицы происходит в драматургии XX века. Бернард Шоу в пьесе «Цезарь и Клеопатра» (1898) вступает в полемику с традицией, и, прежде всего — с Шекспиром. Бернард Шоу писал: «Шекспировских Антония и Клеопатру совсем не приемлет истинный пуританин, а на нормального рядового гражданина они действуют как-то удручающе: Шекспир, правдиво обрисовав вначале погрязшего в разврате солдата и обыкновенную распутницу, в чьих объятиях погибают такие мужчины, затем вдруг могучей властью своей риторики и сценического пафоса придает театральную возвышенность злосчастному окончанию этой истории, внушая глупым зрителям, что его герои поступили красиво, отдав всё — весь мир — за любовь. Такую фальшь не может вытерпеть никто, кроме действительно существующих Антониев и Клеопатр (их можно встретить в любом кабаке), которые, разумеется, были бы рады, если бы какой-нибудь поэт преобразил их в бессмертных любовников. . . »

Клеопатра Шоу неопытна, деспотична, взбалмошна, полна вероломства и жажды мести. Она выступает перед читателем истинной египтянкой. Она — дитя своей земли. Земли экстравагантной, мистической, кровавой и жестокой. Сначала Клеопатра предстает перед нами маленькой трусливой и суеверной 16-летней девчонкой, верящей, что Цезарь — сын

огнедышащей горы с длинным слоновьим носом, питающийся детьми. И через мгновение она признается Цезарю, что когда она станет взрослой, она хочет кормить рабов ядом и смотреть на то, как они будут корчиться. А в следующей сцене она набрасывается на раба, чтобы избить, и с улыбкой прибавляет: «Наконец-то я царица, настоящая царица. Царица Клеопатра». Цезарь же противопоставляется Клеопатре не только по возрасту, складу характера, но и политически. Бернард Шоу показывает зрителям спокойного, умудренного сединами гуманиста, осторожного политика, ужасающегося смерти Помпея, и раскающегося своей «разумной строгости», из-за которой он рубил руки и головы своих врагов. Цезарь научил Клеопатру царственности, но он не смог научить ее человечности и сам постепенно осознавал это: «Клеопатра! Ты будешь самым опасным из завоеваний Цезаря». Автор намеренно отказывается от исторически присутствующей любовной линии между Клеопатрой и Цезарем. Последний относится к царице почти отечески, он лепит из нее свой образ царицы, будто из глины, а Клеопатра влюблена в Цезаря как в учителя. Ее мечты связаны с другим римлянином, которого она встретила задолго до Цезаря.

Постепенно, вылепленное им самим творение начинает ужасать Цезаря своим коварством и жестокостью. Уже через некоторое время царица обескуражила своего учителя заявлением: «Ты слишком чувствителен, Цезарь. Но ты умный, и если ты будешь делать все, как я тебе говорю, то скоро научишься править. Цезарь, совершенно ослепленный этой дерзостью, поворачивается на сиденье и смотрит на нее, не говоря ни слова. Фаталитата мрачно улыбается, показывая великолепный ряд зубов, и уходит, оставляя их вдвоем». Клеопатра усвоила уроки своего учителя, но не изменила себе, своей жестокой натуре, своей безрассудности. Она впитала римское величие, смешав его с египетской беспощадностью. Ее детская мечта постепенно начала воплощаться. Отныне она стала управлять египтянами по-египетски: «Я делаю то, что должна делать, мне некогда думать о себе. Это несчастье, но это и величие. Если Цезарь уйдет, я полагаю, что сумею управлять египтянами, ибо то, что Цезарь для меня, то я для окружающих меня глупцов». Цезарь, наблюдая за своим творением медленно разочаровывается и даже забывает проститься с Клеопатрой, когда отправляется в Рим. Царица сама выходит проводить его, чтобы навсегда проститься со своим учителем.

Невозможно не отметить то влияние, которое образ Клеопатры оказал на мировую литературу и культуру. Созданный римскими поэтами эпохи Октавиана Августа образ Клеопатры как врага Рима, «рокового чудовища», распутной девки и пьяницы, трансформировался в средневековую грешную блудницу, а после, в эпоху новой драмы, обрел сложные психологические и политические черты, наследуемые как из римского, так и из средневекового образов.

Источники и литература

- 1) Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Пер. С лат. — М.: Художественная литература. Библиотека античной литературы. Рим, 1970.
- 2) Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Художественная литература, Москва, 1979. Перевод с латинского С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.
- 3) Проперций. Элегии. (Секст Проперций. Элегии / Пер. с лат. А. И. Любжина. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004).
- 4) Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Антоний / Пер. С. П. Маркиша. — М.: Наука, 1994.
- 5) Аврелий Виктор. Происхождение римского народа // Римские историки IV века. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997 (текст опубли-

кован по изданию: Вестник древней истории, 1964, № 2). Перевод В. С. Соколова. Комментарии В. С. Высокого.

- 6) Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад / Пер. М. Л. Лозинского. — М.: Наука, 1967.
- 7) Шоу Б. Цезарь и Клеопатра / Пер. О. Холмской // Шоу Б. Полн. собр. пьес: В 6 т. — Л.: Искусство, 1979. — Т. 2.
- 8) Commager S. The Odes of Horace: A Critical Study. — Bloomington: Indiana University Press, 1962.